

Простые люди не могли ступить в пределы Внутреннего императорского города — закрытого кольца, ближайшего к дворцу, где обитала лишь августейшая родня и знать. Сразу за его стенами начиналось первое кольцо столицы.

Ли Наньчжу вполне понимал такое устройство: Императорский город находился в самом центре, а от него концентрическими кругами расходились остальные кварталы.

В первом кольце селились сановники высших рангов — первого и второго. Имение его старшего племянника, министра Ли Муцзэ, как раз располагалось там, совсем неподалёку от поместья князя Ли. В экипаже до него было рукой подать: обе усадьбы выходили фасадами на Главную улицу Великого Спокойствия.

Эта улица была центральной артерией, от которой почкуются Западная и Восточная улицы Великого Спокойствия.

Во втором кольце обосновались чиновники третьего и четвёртого рангов, и так далее по убывающей. Наньчжу слышал от племянника, что когда их предок сдал экзамены, занял третье место и поступил в Академию Ханлинь мелким чиновником седьмого ранга, его домишко ютился на самых дальних задворках — в тихом переулке среди простолюдинов.

Вот там кипела настоящая жизнь! Обыватели сновали туда-сюда, вдоль улиц теснились чайные и харчевни, выступали актеры, сказители и акробаты. Зазывалы надрывали глотки, предлагая еду, утварь и безделушки, а цирюльники тут же, на виду у всех, подравнивали бороды и чистили уши клиентам.

Словом, шумный, оживленный торговый муравейник.

Заведения посolidнее располагались ближе к кварталам чиновников среднего звена: там сверкали вывесками ювелирные и лавки антиквариата, шелковые мастерские, лавки с нефритом и пышные рестораны.

Когда Наньчжу только прибыл в столицу, он въезжал верхом вместе с племянником и кое-что запомнил. Вот и сейчас, никуда не торопясь, он во главе своей свиты неспешно миновал ворота Внутреннего города.

Что до Седьмого принца... Да какая разница, тащится он сзади или нет!

Седьмой принц, держась в седле чуть позади, разглядывал уездного князя. Сегодня Наньчжу принарядился: в отличие от их первой встречи, когда на нём было строгое и немного помпезное парадное одеяние, сейчас он буквально утопал в золоте и драгоценных камнях. Казалось бы, вульгарность безвкусного богача, но на Ли Наньчжу этот наряд смотрелся удивительно органично.

«И знатен, и выправкой хорош, — размышлял принц. — Разве что возрастом старше, чем хотелось бы... Впрочем, неважно. Когда я взойду на престол, гарем всё равно пополнится молодыми наложницами».

С этой мыслью Седьмой принц сжал бока коня и поравнялся с Наньчжу.

— Наньчжу, куда бы ты хотел отправиться в первую очередь? — лебезящим тоном поинтересовался Седьмой принц.

— Да так, пройдуся по лавкам, прикуплю чего-нибудь, — лениво отозвался Ли Наньчжу.

— Хорошо, хорошо! Как пожелаешь.

Они направились в фешенебельный торговый квартал. Свита уездного князя Ли впечатляла: за ним неотступно следовали больше двух десятков статных гвардейцев. Седьмой принц пока не подозревал о подвохе, лишь свысока думая, что Наньчжу просто любит пустить пыль в глаза.

Вчера вечером весь дворец гудел от новостей: эскорт уездного князя Ли на Главной улице Великого Спокойствия вынудил Шестого принца уступить дорогу!

Даже без наставлений императрицы-матери Седьмой принц был поражен до глубины души. Неужели Ли Наньчжу ни капли не боится навлечь на себя гнев членов августейшей семьи?

Однако факт оставался фактом: Шестой принц действительно отступил. Узнав об этом, Седьмой принц поначалу вспыхнул от возмущения за брата. Как-никак, они сыновья Поднебесной! Поступок Наньчжу был прямой пощечиной их достоинству.

Какая-то иноплеменная девица... то есть гэер, пусть и княжеского рода, утер нос принцу крови! Как тут не закипеть? Но вслед за гневом пришел холодный рассудок: если Ли Наньчжу вел себя столь дерзко, а Шестой брат предпочёл уклониться от стычки, значит, могущество клана Ли превосходит самые смелые ожидания.

Злость тут же сменилась ликованием. Забыв о гордости законного наследника, принц с самого утра помчался за пределы дворца искать встречи с Ли Наньчжу. Если гора не идет к Магомету... Ради великого будущего можно и сдать назад, переступив через спесь.

Наньчжу косился на спутника с откровенным забавлением. Поймав удручённо-героическую минку на лице Седьмого принца, он лишь про себя хмыкнул.

— Павильон Избранного Нефрита. Вот сюда и зайдем, — соскочив с коня, объявил молодой уездный князь.

Завидев знатных гостей ещё издали, управляющий выскочил на крыльцо. Не смея зазывать их криками, он лишь низко кланялся, а когда усыпанный драгоценностями юноша направился к дверям, лебезя, семенил навстречу:

— Приветствую драгоценного господина! Что угодно будет изволить почтенному гостю?

Ли Наньчжу вальяжно переступил порог и окинул прилавки скучающим взглядом:

— Да так, взгляну, что у вас есть.

Управляющий и не думал проявлять халатность — два десятка вышколенных стражников за спиной клиента говорили громче любых слов.

— Извольте осматриваться, господин, никуда не торопясь, — суетился лавочник. — Не приказать ли удалить из заведения прочих покупателей?

— Разумеется, закройте лавку для посторонних, — горделиво кивнул Седьмой принц.

Но Наньчжу тут же возразил:

— Ни в коем случае. Если вокруг не будет публики, перед кем мне сорить деньгами? Без зрителей покупать совершенно неинтересно.

Седьмой принц подавил раздражение и натянуто улыбнулся:

— Что ж... Пусть будет по-твоему.

Ли Наньчжу почти перекосило от такой слащавости. Усевшись в резное кресло для почетных гостей и подперев подбородок рукой, он с видом законченного нувориша заявил:

— Несите всё самое дорогое. И то, что редко покупают или никак не могут продать — тоже давайте сюда.

Всё равно платит Седьмой принц.

Управляющий обомлел. Вот это куш! Сдержав ликующий трепет — мало ли, вдруг наглеет, а покупать не станет, — он внимательно взгляделся в юношу. Нет, этот точно сорить деньгами привык.

Павильон Избранного Нефрита славился своими изделиями: резные декоративные горки, статуэтки Белоснежной Гуаньинь, изящные перстни-кольца, шпильки, подвески. Слуги с

наивысшим трепетом вынесли лучшие сокровища. Лавочник же завел соловьиную трель, расхваливая каждый предмет.

Дворцовые украшения, изготавливаемые в мастерских Департамента внутренних дел, разумеется, превосходили гильдейские поделки. Седьмой принц лишь про себя насмеялся: эти вещички глупо было ставить в один ряд с настоящим искусством. Как бы ни был богат клан Ли, им не сравниться с Императорским домом! Уверенность в собственном превосходстве снова вернулась к нему.

— Заверните всё. Кроме той статуэтки Бодхисаттвы, — распорядился Ли Наньчжу (в божеств он не верил).

Управляющий замер, едва не лишившись чувств.

— Всё?! — переспросил Седьмой принц, уставившись на него с нескрываемым изумлением.

— Ну да. Эта резная горка отлично пойдет под пресс для бумаги, узор на подвесках хоть и отдает стариной, да какая разница? Главное — развлечься! А перстнями и кольцами буду браться от скуки. Заворачивайте всё!

Стоило Ли Наньчжу произнести это, как лавочник сорвался к счётам. Костяшки оглушительно защелкали: триста лянов, двести, сто девяносто восемь... Сумма стремительно росла, а бровки Седьмого принца ползли вверх.

Итого: одна тысяча триста лянов серебра.

«Что ж, терпимо», — вздохнул про себя принц.

— Драгоценный господин, — вдруг опомнился управляющий, — у нас ведь есть ещё остов для веера из редчайшего теплого нефрита! Вчера только доставили с юга. Невероятная редкость! А расписан он лично Бессмертным наставником Наньвэном...

Ли Наньчжу нахмурился:

— Я же велел нести самое дорогое! А ты, оказывается, утаил веер и подсовываешь мне всякий мусор? Ладно, благодари моё великодушие. Неси, взгляну.

Лавочник, уже попрощавшийся с жизнью, от облегчения едва не расплакался. Он лично преподнес парчовый ларец и бережно приоткрыл крышку. Молодой господин без лишних церемоний цапнул веер и с маху — рах! — распахнул его.

У лавочника душа ушла в пятки. Это же редчайшая работа великого мастера, цена которой —

тысячи золотых!

Он весь сжался, боясь, что хрупкая вещь не выдержит. А Ли Наньчжу, окинув шедевр взглядом, лишь разочарованно качнул головой. Лавочник уж было решил, что вещь не устроила покупателя, но тут юноша изрек:

— Остов хорош. А на самом веере что за каракули намараны? Не разобрать ни слова. Включай в счет! Дома сорву эту бумажку и сам что-нибудь нарисую.

Синь Сы не сдержал смешка. Знал он «каллиграфию» и «живопись» своего господина...

Ли Наньчжу моментально развернулся и смерил слугу свирепым взглядом:

— Вот нарисую — и подарю тебе! Будешь ходить и махать им повсюду, а каждому встречному хвастаться, какой у тебя искусный хозяин!

Будет знать, как насмехаться.

Синь Сы моментально сделал честные-честные глаза и смолк.

Лавочник слушал это и с трудом сдерживал изумление. Вещь ценой в состояние! А этот молодой барчук мало того что собирается уничтожить бесценную роспись, так еще и отдаст веер простому слуге?!

Откуда только взялся этот сумасброд? Даже отпрыски министров высшего ранга не сорили деньгами с таким размахом!

В итоге один только веер обошелся в шесть тысяч лянов. Седьмого принца аж перекошило. Дорогушая безделица! Но, желая сохранить лицо, он подал знак слуге достать деньги... Однако Синь Сы опередил его, извлекая из-за пазухи увесистую пачку банковских билетов.

— Наньчжу, мы же договаривались! Я угощаю, — уязвлённо вмешался Седьмой принц.

«Да ты же только что едва не плакал от жадности! — подумал Ли Наньчжу. — Я тебе даю шанс красиво отступить, а ты еще и упрямишься? Ну и пожалуйста!»

Оскалив ровные белые зубы в белоснежной улыбке, он легко согласился:

— Отлично!

Затем, погрозив Синь Сы нефритовым веером, строгим тоном пожурил:

— Что ты делаешь? Его Высочество ясно сказал, что сегодня платит он! Неужели ты думаешь, что целого принца обеднит пара лянов серебра? Ты же позоришь Его Высочество!

— Да-да, виноват, господин! Не сообразил, глупый, — с самым раскаявшимся видом поклонился Синь Сы.

Лавочник, услышав про принца, обомлел и тут же пал на колени, отвечивая поклоны. Ли Наньчжу, у которого не было никакого желания слушать подобострастную чушь, с щелчком распахнул веер и вальяжной походкой вышел на улицу.

Чистой воды спектакль.

Оказавшись снаружи, он шепнул слуге:

— Ну как, хорош я был?

— Невероятно хорош, господин.

— То-то же! — хмыкнул Ли Наньчжу. — Раз тебе так нравится, обязательно заберёшь этот веер себе.

Синь Сы лишь молча вздохнул.

Из лавки все еще доносились восторженные вопли управляющего о «вечной чести» и «озарившем их сиянии». Наньчжу уже сидел в седле, когда Седьмой принц наконец выплыл наружу с довольной, сияющей физиономией — льстецы явно угодили его тщеславию.

Впрочем, принцу с детства не привыкать к дифирамбам, и обычные слова лавочника едва ли вскружили бы ему голову. Но раз уж кругленькая сумма улетела, благоговейные взгляды зевак и сладкие речи торговца хоть как-то скрасили горечь утраты.

Вперед, к следующей лавке!

Двое из двух десятков стражников отправились относить покупки в имение, а остальные двинулись вслед за уездным князем.

Столичные торговцы ещё не видывали подобного размаха: в каждой лавке, куда ступала нога обвешанного золотом юноши, с полок сметалось всё самое дорогое. А расплачивался за всё Седьмой принц. Не прошло и получаса, как улетучилось добрых десять тысяч лянов.

Лицо принца темнело с каждой новой покупкой. Видя, что Ли Наньчжу и не думает

останавливаться, он мысленно истекал кровью, но вынужден был выдавить заботливую улыбку:

— Наньчжу, ты, должно быть, устал? Может, присядем где-нибудь, отдохнем?

— Устал? Да мы же только начали! — с азартом отмахнулся тот. — Вот когда я за день спускаю тысяч этак тридцать-сорок, тогда да, чувствую приятную усталость!

Улыбка окончательно сбежала с лица Седьмого принца. Он что, издевается?!

— Если устал, отдыхай, а я пройдусь сам, — Наньчжу отодвинул его плечом и направился к следующей вывеске.

Принц уж было собрался согласиться и уйти ждать его в ресторан...

...как Ли Наньчжу лучезарно усмехнулся:

— Серебра у меня пруд пруди, так что не переживай, сам за всё заплачу. Ступай домой!

Слова застряли у принца в горле. Он уже выложил десять тысяч лянов! Сбежать сейчас — значит потерять и деньги, и благосклонность Ли Наньчжу. К тому же Наньчжу ляпнул это во всеуслышание, будто принц сбегает из-за банальной скупости!

— Ничуть не устал, — пересилив себя, проговорил Седьмой принц с непринужденной миной. — Идем, я с радостью составлю тебе компанию.

А в душе его уже разгорался настоящий адский пожар.

Наньчжу по-братски хлопнул принца по плечу и с наивнейшей простотой выдал:

— Вот это по-нашему! А то я уж подумал: вроде взрослый мужчина, а прошел пару шагов — и выдохся. Мы же с тобой не немощные какие-нибудь! О, смотри, какая вывеска любопытная! Зайдем!

Седьмого принца снова передернуло. Сжав кулаки до хруста, он поплелся за сверкающим золотом силуэтом.

Из двадцати двух гвардейцев, выехавших из Внутреннего города, рядом с Ли Наньчжу осталось лишь шестеро — остальные были отправлены с грузом покупок. Теперь они добрались до шумных кварталов простолюдинов.

А за спиной уездного князя уже вовсю гремела его слава.

— Слыхали? Тот заветный веер с росписью мастера Наньвэна! Князь Ли посмотрел и говорит: дескать, некрасивый...

— Неужто брат не стал?

Лавочник, расплывшись в широчайшей улыбке, растопырил пять пальцев:

— Купил! Сказал, слугам отдаст баловаться! Пять тысяч лянов — и просто слуге на забаву! Вот это размах, вот это щедрость!

— Эка невидаль! А вот про камень с озера Тайху слышали? Тот самый, похожий на древний гриб линчжи, настоящий шедевр природы! Князь взглянул, пришел в восторг, отвалил кучу денег... и велел разбить его прямо на месте!

— Разбить?!

— Ну да! Заявил, мол, ему только верхушка нужна — для какой-то там подставки под игрушку!

— Две тысячи триста лянов за редчайший камень — и вдребезги ради крошечного обломка?!

Подобным слухам не было числа — вся столица обсуждала диковинного барина, не считающего деньги.

— А я слышал, в день приезда князя Ли сам господин министр Ли вел его коня под уздцы! Второго-то ранга сановник! — понизив голос, шептались в толпе.

— Ну, господин Ли ему родня, это ещё полбеды, — делился свежими сплетнями другой. — А вы знаете, что вчера Шестой принц уступил дорогу его выезду?!

Перейдя на принцев крови, болтуны со страхом переглянулись и сбавили тон до едва различимого шепота.

— Да что там! Сегодня Седьмой принц лично бегал за ним по лавкам и платил за всё подряд!

Слушатели закивали, а один не удержался:

— Правда, говорят, Седьмой принц от жадности едва не плакал... То есть, не я говорю, а сам князь Ли при всех ляпнул! Прямо в лицо принцу: «Ты что, обеднел? Чего так долго деньги ковыряешь? Давай я сам, раз у тебя грошей не густо!»

Народ остолбенел. Неужели уездный князь Ли осмелился заявить такое члену императорской

фамилии, не оставив ему ни капли достоинства?!

— И что, Седьмой принц не разгневался?

Сплетник качнул головой. В глубине души он не сомневался, что принц был в бешенстве, вот только Ли Наньчжу плевать на это хотел. Неизвестно, не заметил он чужого гнева или сознательно с ним не считался, но если последнее... то князь Ли поистине невероятен!

— Да уж, уездный князь Ли — вот такой человек! — кто-то восторженно поднял большой палец.

— Настоящий первый гзер-князь нашей Великой Ли!

Прежде все лишь слышали его имя, а теперь увидели воочию — и были потрясены. Надень простой смертный столько золота и камней, выглядел бы смешным и пошлым пугалом, но на Ли Наньчжу...

— Это выглядело поистине царственно!

Седьмой принц шел с преувеличенно строгим видом, полностью утратив свой привычный слащавый лоск.

Глядя на него, Ли Наньчжу думал, что потраченные деньги окупились сполна — принц еще и спасибо ему обязан сказать! Впрочем, похоже, у сыновей императора с финансами было совсем туго: подумать только, потратил каких-то двадцать-тридцать тысяч лянов, а уже сохнет от жадности.

«Неужели и мой Няннянь живет в такой же бедности?» — озабоченно подумал Наньчжу.

На самом деле, принцы, не получившие собственных поместий и жившие во дворце, находились на полном государственном обеспечении. Им полагалось ежемесячное содержание, но наличных денег выдавалось совсем немного.

Даже знатным супругам императора выдавали всего по девяносто лянов серебра в месяц. Конечно, ткани, драгоценности и еда предоставлялись в избытке, так что монеты нужны были разве что на мелкие чаевые слугам да евнухам.

К тому же несовершеннолетние принцы не имели реальной власти, и чиновники не смели подкупать их взятками. Все их подпольные доходы ограничивались подачками матерей, подарками родни по материнской линии да карманными деньгами.

Другое дело — выбывшие из дворца и обзаведшиеся семьями. Они могли занимать должности и получать жалованье. Впрочем, на одно лишь жалование большую усадьбу не содержат — тут на

помощь приходили подношения подчинённых, доход с поместий и недвижимости.

Взять хотя бы Четвёртого принца: он получил титул уездного князя Цзя, а вдобавок числился на необременительной должности в Министерстве ритуалов, получая ещё один оклад. Работать не работал, зато жил на широкую ногу.

Седьмому принцу уже исполнилось двадцать — самое время обзавестись собственным домом и войти в силу. Но императрица, считавшая своего сына избранником судьбы, отвергала одну невесту за другой. В итоге принц так и оставался в подвешенном состоянии без нормальных доходов.

«Неужели то, что мы сегодня потратили, — это все его сбережения с самого детства?» — от этой мысли Ли Наньчжу аж опешил. Неудивительно, что тот с каждой лавкой мрачнел всё сильнее!

Седьмой принц, глубоко задумавшись, невпопад переспросил:

— Что?

Ли Наньчжу одарил его взглядом, полным искренней жалости и сострадания:

— Давай я тебе всё верну. Ей-богу, тебе уже пора бы стать отцом, а если и нет детей, всё равно жить на что-то надо! Не стоит сорить деньгами только ради пустой гордыни.

Вокруг шумела людская толпа, торговцы кричали наперебой, заглушая слова.

— Синь Сы, отсчитай Седьмому принцу серебро. Ох, прямо сердце за него болит, — проявил милосердие Наньчжу.

— Будет исполнено, господин! Я всё скрупулезно записал, ни медяка не потеряем.

Осознав происходящее, Седьмой принц позеленел от ярости.

Ему что, нужны эти деньги?!

Он что, походит на нищего, трясущегося над каждой копейкой?!

И это прямо посреди оживленной улицы, на глазах у сотен простолюдинов! Ли Наньчжу снова втоптал его достоинство в грязь!

Едва сдерживая дрожь в голосе, принц сквозь зубы отчеканил, что ему ничего не нужно.

Однако Синь Сы подчинялся только своему господину. Не получив иных указаний, он отсчитал стопку билетов и засунул их в руки службе принца. Бедный евнух и рад был бы отказаться, но под напором ханского гвардейца смог лишь беспомощно прижать деньги к груди.

— Держи крепче да не потеряй, — подал голос Ли Наньчжу. — Не хватало еще, чтобы я на глазах у всей улицы устраивал с твоим хозяином перетягивание кошелька.

Опомнившись и осознав, сколько вокруг глазающего народа, Седьмой принц был вынужден проглотить обиду и велеть евнуху забрать деньги.

— Наньчжу, ты неправильно меня понял. Мне ничуть не жаль денег для тебя, я просто задумался о своем...

— О чем же? — любопытствовал Наньчжу.

Принц и впрямь размышлял о деньгах. Он клял этого дикаря-нувориша, набивавшего суммы всяким мусором за чужой счет. Но признаться в этом было нельзя! Желая отмахнуться, но под вьедливым взглядом Ли Наньчжу заерзав, он на ходу сболтнул первое, что пришло в голову:

— О задании, которое на дом дал наставник.

— Тьфу, скукотища... — Бездельник-князь моментально потерял к нему всякий интерес.

Побродив еще немного, Ли Наньчжу почувствовал утомление. До его ушей со второго этажа близлежащей чайной донесся звучный голос сказителя. Вспомнив о свежих сплетнях, Ли Наньчжу мгновенно просветлел и со всей радушностью предложил:

— Лао Ци, ну не дуйся! Пошли, я угощаю тебя чаем!

— Идем, идем.

Глядя на сияющего от счастья Ли Наньчжу, Седьмой принц окончательно растерялся.

Если Наньчжу намеренно изводил его и разорял, то зачем вернул всё до единого медяка? Если пытался опозорить перед толпой, то почему теперь так тепло зовёт пить чай?

Что это за человек такой?!

Почему он не поддается никакой логике и делает всё вопреки здравому смыслу?!

<http://bllate.org/book/19962/1990225>